

С отзывами, пожеланиями и вопросами
обращайтесь в M•GRAPHICS PUBLISHING:

Тел.: (781) 595-6863

Факс: (206) 770-7492

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

МАРИНА ХАЗАНОВА

**Мои Георгии:
Творцы и Власть**

БОСТОН • BOSTON

Марина Хазанова *Мои Георгии: Творцы и Власть*

Moi Georgii: Tvortsy i Vlast' by Marina Khazanova
(*My St. George: Creators and Authority*)

Copyright © 2008 by Marina Khazanova

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the Publisher.

ISBN 978-0-9792808-9-4

Library of Congress Control Number: 2007940893

Публикуется в авторской редакции

Издательство M·GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

Дизайн обложки — П. Крайтман © 2007

Рисунок на обложке — Р. Бабетская © 1999

Фотография автора на задней обложке © Дмитрий Кокунов

Фотографии в тексте из личного архива автора.

Отпечатано в США

*Автор выражает глубокую благодарность
за помощь в подготовке книги к печати
М. Бройде и К. Файнбергу*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Георгии собираются	11
<i>Глава вторая.</i> Страдания великомученика Георгия	19
<i>Глава третья.</i> Мандельштам	22
<i>Глава четвёртая.</i> Пастернак	36
<i>Глава пятая.</i> Маяковский	51
<i>Глава шестая.</i> Ахматова	57
<i>Глава седьмая.</i> Зощенко	67
<i>Глава восьмая.</i> Олеша	80
<i>Глава девятая.</i> Чуковский	89
<i>Глава, которой не будет.</i> Цветаева	107
<i>Глава десятая.</i> Солженицын	111
<i>Глава одиннадцатая.</i> Параджанов	121
<i>Глава двенадцатая.</i> Сидур	137
<i>Глава тринадцатая.</i> Алексиевич	149
<i>Глава четырнадцатая.</i> Коржавин	162
<i>Глава пятнадцатая.</i> Окуджава	174
<i>Глава шестнадцатая.</i> Владыка	193
<i>Заключение</i>	209
<i>Библиография</i>	210

Дело не в дороге, которую мы выбираем;
то, что внутри нас, заставляет
выбирать дорогу.

О. Генри

Глава первая

Георгии собираются

На втором этаже нашего дома есть маленькая комната. В ней телевизор, диван, кресло, цветы, полка с видеокассетами — в общем, комната как комната. Но называю её я по-своему: «Комната с Георгиями».

Первый Георгий появился почти полвека назад. В начале шестидесятых мы с мужем и друзьями несколько раз оказывались в северных деревнях вокруг Белого моря, Онеги, Онежского озера, Каргополя. Красота — аж захватывает

дух и замирает сердце. Но заселённых деревень каждый раз было всё меньше. Перебирался люд в места покрупнее, где магазины, медпункты, школы, клубы.

Однажды мы забрели в небольшую деревню, совершенно не подозревая, что она вымершая. Огромные целые срубы, но почему-то с распахнутыми дверьми, и какая-то цепенящая тишина вокруг. В одну избу вошли. На полу битое стекло, ржавые кастрюли, тряпки. Я подняла с пола чёрную доску. Было похоже, что это часть иконы. С обратной стороны доску пересекала маленькая узкая дощечка, вставленная в углубление. Я поняла, что это шпонка, которой иконописцы закрепляют иконы. Значит, это и впрямь икона? Но чья? И почему брошена? На том маленьком кусочке, который держала в руках, можно было различить задние ноги и хвост желтовато-бежевого коня, а чуть выше красновато-коричневый кусок какой-то одежды.

Находиться в доме было трудно: не покидало ощущение, что для людей, которые ушли отсюда, жизнь кончена. Им, казалось, было всё равно, что бросать, а что забирать. Друзья вышли, а я всё-таки осталась, что-то держало меня. В те времена никакой мистики я не признавала, а религия интересовала только как часть культуры. Минут через двадцать муж стал меня звать, а я неожиданно для себя крикнула: «Подожди, пожалуйста, я должна найти вторую половину иконы. Она здесь». Почему я это крикнула, не знаю, но твёрдо чувствовала: найти необходимо — без этого никак нельзя.

Довольно быстро нашла среди мусора и грязи. Соединила две половины — всё сошлось. С обратной стороны приладились шпонки. А на лицевой сумела рассмотреть коня со вздыбленными передними ногами, всадника с копьём в поднятой левой руке. Немного поодаль виднелась маленькая женская фигурка, а внизу — еле различимые чёрные завихрения со сгустками краски посередине. Батюшки, да это же Георгий, убивающий дракона и освобождающий девицу из плена! А чёрный сгусток внизу — конечно, голова дракона. Это частый сюжет русских, да и не только русских, икон, картин, вышивок.

Состояние иконы было скверным. Некоторые части почти утрачены, цвет еле различим. Но какое это имело значение?

Я радовалась несказанно, что половинки сошлись, что предчувствия меня не обманули и что у нас в доме будет старая икона, привезённая из чудесных северных мест. Не более того.

В Москве муж склеил икону, промыл подсолнечным маслом, и мы повесили ее в нашей комнате, служившей гостиной, спальней, кабинетом и детской одновременно. Проходя мимо Георгия, я вспоминала наше путешествие и веселела. Икона провисела до марта 1973 г, а потом мы начали собираться в дорогу — то бишь в эмиграцию. Георгий отправился с нами в дальний путь. Мы не особенно тщательно прятали его в чемодане: старая, облезлая икона, авось власть на таможене не придерётся. Не придрались, пропустили.

В Америке Георгий путешествовал с нами с квартиры на квартиру, но был какой-то неприкаянный, как и мы сами. Права гражданства он приобрёл позже, в нашем собственном доме, в котором все получили по комнате, а Георгий сразу же прижился в телевизионной, как будто всю жизнь провёл там.

А потом пошло-поехало. Моя подруга Зарина прислала из Москвы коврик с аппликациями, который соорудила собственноручно. На коврике всё как положено: Георгий на белом коне в красном развевающемся плаще, справа на башне девица, которую Георгий сейчас спасёт, проткнув дракона. А на самом верху летают маленькие ангелы. Они улыбаются, и мы знаем: всё будет как надо. От коврика веяло таким

теплом, таким уютом, что он тут же был поселён тоже в телевизионной, на стене напротив иконы. Зарина о моём Георгии не очень-то знала: он висел в Москве среди других наших северных богатств — прялок, полотенец, ковшей и ещё нескольких икон, привезённых позже. Специально о нём разговора не было. Я не спрашивала Зарину, почему она сделала коврик именно с Георгием, но стала задумываться. Может, Георгий не так уж случайно появился в моей жизни? Зарина знает, как мне трудно и горько в чужой и непонятной стране, и хочет сказать: «Ну, Маринчик, держись! Георгий вас всех в обиду не даст. Поможет».

Ещё через несколько лет бостонские друзья Шиллеры принесли мне на день рождения в подарок бельгийский коврик. Не было девицы, ангелов, но Георгий на коне, пронзающий дракона, был. Эти ребята уж совсем не знали про комнату с Георгием, а вот принесли же! Понимайте, как хотите. Я же поняла так, что без Георгиев мне нельзя, и стала их отчаянно собирать. Георгий стал моим талисманом.

Первая наша поездка за границу была в Грецию — оттуда привезла керамического Георгия, простодушного и добро-

го. Просто непонятно, как он может кого-то пронзить, пусть даже и дракона. А над Георгием расположились две одинаковые птички, тоже добрые и простодушные.

За тридцать с лишним лет Георгии заполнили всю комнату. Один из них на кухонной доске. Доска невероятно яркая, красно-зелёная, сказочная. Сначала я думала, что это просто добрый молодец на коне, а потом присмотрелась — Георгий! Кому же ещё быть! Только Георгий, пронзающий дракона, наверху, а внизу как бы самостоятельная картинка: стоит молодец, а ря-

дом с ним красна девица держит в правой руке кубок, а в левой — руку молодца. Оба такие счастливые, весёлые, гордые. Они как бы говорят нам всем, на них смотрящим: «А как же иначе? Иначе и быть не может». На обороте доски написано: «Марине от Анны Байбаковой».

С Анной Байбаковой я познакомилась на Измайловском рынке в Москве. Это была одна из моих первых поездок из Америки в Россию. Тогда ещё не было ясно, можно ли что-либо, представляющее художественную ценность, вывозить из СССР. Поэтому, хотя доска была совершенно новая, я всё же попросила Анну Байбакову написать, что она в подарок.

Кроме греческих и испанских Георгиев, коллекцию составляют в основном русские: керамические фигурки, граюры на меди, рисунки пером, акварели, Георгии, вырезанные на дереве или на бересте, сплетённые из соломы. Среди них — даже сделанный мной вместе с внуком Матюшей в керамической мастерской в Абрамцево под Москвой.

Несколько лет назад встреча с Георгием произошла на Аляске в невероятной глухомани даже по тамошним меркам. Мы разбили палатку у ручья и пошли прогуляться. В лесу увидели дом, к одной стороне которого была приставлена доска высотой около двух метров. На ней Георгий с копьём во весь рост, сделанный целиком из гвоздей. Мы постучались. Вышедшая женщина объяснила, что Георгия сделал молодой человек, живший в сторожке неподалеку и погибший недавно в автомобильной катастрофе. Женщина не знала о нем почти ничего. Только сказала, что молодой человек прожил в сторожке одну зиму и что они видели, как парень долго и с упоением трудился, создавая своего Георгия. Ее муж решил перенести доску поближе к дому в память о погибшем. Уви-

дев наше восхищение, женщина предложила нам взять доску. Но как? Доску не только не взяли бы в самолет, она даже не влезла бы в машину. Горестно разведя руками, мы сделали несколько фотографий и ушли. Фотография этого сурового и даже жесткого Георгия тоже в коллекции.

Георгии мои очень разные: одни — решительные, твёрдо знающие, что делать; другие — раздумчивые и отрешённые; третьи — просто очень милые и почти декоративные. Один из последних Георгиев написан на доске маслом. Это не просто молодец, это Иван-царевич в тридевятом царстве в тридесятом государстве. Царство с голубыми башенками, сиреневыми колокольнями, серебристыми теремами. Не знаю, будет ли этот «Иван-царевич» когда-нибудь убивать дракона, но копьё при нём, и в любом случае он не даст в обиду хороших людей. Этого Георгия сделал мой теперешний друг — художница Рэна,

тоже живущая в Бостоне. Несколько лет назад я вошла в её дом и обмерла. Со всех сторон на меня смотрели невероятной красоты доски с птицами, зверями, тройками, ангелами. А на царском месте висел Георгий. Я тут же сделала стойку и вскоре получила в подарок такого же.

Мои Георгии заняли две стенки в комнате, в третьей — окно, а вот на четвёртой — почти вплотную друг к другу фотографии писателей, поэтов, необыкновенных личностей — Мандельштама, Пастернака, Маяковского, Ахматовой, Солженицина, Сахарова, Окуджавы, Коржавина и некоторых других, которых очень почитаю и которые сделали меня такой, какая я есть. Без них моя молодость была бы другой, а жизнь гораздо серее и ограниченнее.

От официозной литературы и официальной идеологии я отказалась ещё в школе, но, как и многие мои сверстники, искать ответы не переставала. Ничего оригинального в моём списке «властителей дум» нет (о классике я не говорю) — обычный «малый джентльменский набор». Да и не было у нас большого выбора: о ком-то рассказали родители, что-то прочитали в самиздате, что-то откопали в старых изданиях, о ком-то услышали по иностранному радио. То, что узнавала, заставляло думать, видеть мир не таким серым и

плоским, как предлагала советская власть. Я верила «своим» авторам без оглядки. Они казались мне «рыцарями без страха и упрёка». Многие из них к тому времени ушли, но их творчество продолжало беречь душу, жить с ними было намного интереснее.

С тех пор прошло больше сорока лет. Конечно, круг «властителей» и расширился, и изменился, но те, кого я полюбила тогда, — со мной и сегодня.

Никакой связи между Георгиями и фотографиями на третьей стенке я много лет не ощущала. Ну собираю Георгиев потому, что так пошло с той первой иконы, потому, что Георгий — тот, кто боролся со злом, потому, что мне хорошо с моими Георгиями, ну потому, в конце концов, что собирают же люди разные предметы. А фотографии поместила в эту комнату, так как была пустая стенка и мне очень хотелось их где-то повесить. Назвала я тогда эту стенку «моим иконостасом» и вполне с ней дружила.

Только недавно стала задумываться: «А как чувствуют себя мои кумиры в соседстве с Георгием? Уютно ли им рядом с ним, непоколебимым? А взял бы он их в своё воинство?» Взаимоотношения эти стали меня донимать, я начала сравнивать поступки, примеривать одеянье Георгия на них. «Хватило бы у них дерзновения примкнуть к Георгию? Претерпев страдание, стали они такими же стойкими, как Георгий? Испытывали они настоящую радость от того, что делали?» Из ответов на мои размышления и получилась эта книга.

Сначала о Святом Георгии. Когда я рассказала о замысле своей работы моей московской подруге Зое, она сурово спросила: «А ты житие Георгия знаешь?» — «Ну конечно, знаю о том, что он сражался с драконом и спас девицу». — «А еще что?» — настаивала Зоя. — «А разве недостаточно?» — потихоньку сдавалась я. Через пару дней она притащила житие, и я принялась за чтение.

Глава вторая

Страдания (страсти) великомученика Георгия

Ну вот я и узнала, как жил святой Георгий. Он был в свите императора Диоклетиана, потому что «отличался красотой лица, мужеством и крепостью тела». Но когда Диоклетиан замыслил мучительно истребить христиан, Георгий решил, что наступило время, когда он должен совершить деяние. Он роздал всё своё богатство и часть рабов отпустил на волю, а других передал нищим. После этого пришёл на последнее совещание к императору. Там, «отвергнув всякий страх человеческий и имея в себе только страх перед Богом, с лицом светлым и мужественным заявил: «Вы гоните ни в чём не повинных людей». Император подверг его бесконечным страшным наказаниям: Георгия привязывали к колеснице, истыканной железными остриями, бросали в ров с негашеной известью и засыпали его там, на него надевали сапоги с торчащими гвоздями, били воловьими жилами, травили ядами. Каждый раз император требовал от Георгия отказаться от христианства и обещал ему жизнь, полную роскоши. Каждый раз Георгий отвергал предложение императора и каждый раз после всех мучений оказывался «невредимым телом». Тогда синклит возвестил императору, что Георгия надо казнить. Георгий «с радостью преклонил голову под меч», потому что знал, что скоро «отойдёт ко Господу».

Вторая часть жития рассказывает о посмертных чудесах великомученика Георгия. Совершил он их множество. Спасал юношей, попавших в плен к врагам, и возвращал их в

семью; отвратил смерть от отрока, который продал овцу вдовы, а ей поклялся, что овцу съел волк. Сразу же после этой клятвы смертоносный змей укусил мальчика. Георгий спас его и повелел: «Не клянись больше именем Божиим, ни святыми его, не поступай ни с кем несправедливо и отдай той убогой вдовице овцу». Святой Георгий также помог мальчику, которого сильно обижали другие отроки, одолеть врагов; переправил одной бедной вдовице через море каменный столб, купленный ею на собственные деньги и предназначенный на строительство церкви в том месте, где она жила. Последнее, что описано в житии, — это знаменитое спасение девицы от страшного змия-дракона. В этой истории важны многие моменты. Очередь отдавать детей на съедение страшному чудовищу обошла весь город. Единственная царская дочь была последней. Сделать ничего царь не мог, т. к. это он придумал приносить детей в жертву чудовищу, чтобы умиловить его. Георгий увидел на берегу озера девицу, приготовленную быть съеденной змием, и она, объяснив, что происходит, умоляла его бежать. Но Георгий отказался, потому что «по промыслению Бога» прибыл спасти город от «погибели душевной и телесной»...

За эти слова я уцепилась. Мои герои — те, кто на фотографиях — тоже спасали меня от «погибели душевной». У Георгия была нерушимая вера в Бога. Она давала ему силу при жизни, а после смерти помогала именем Божиим творить чудеса. А что давало силы моим героям? Не все они были людьми верующими. Что же спасало их в страшные сталинские годы? Чему поклонялись, что отвергали они? Почему одни выдерживали испытания, другие шли на компромиссы, отдавая и отдавая дракону самое дорогое, а третьи, что тоже нередко случалось, предавали себя и других? Да, это было тоталитарное время, которое требовало полного отречения от себя. Но во имя чего? Ответственны ли мои герои за те социальные маски, которые они носили?

От всех моих кумиров остались стихи, рассказы, статьи. Может быть, вполне достаточно просто их читать? Так ли уж важно теперь, что кто сказал на собрании шестьдесят-семьдесят лет назад, за что и против чего поднимал руку тогда, как оправдывал своё молчание потом? Да и вообще:

нужно ли ворошить прошлое? Теперь другие времена, другие песни.

Думаю, что нужно. Без этого не понять ни нас, ни наше время, ни наших кумиров, которых мы выбирали часто не благодаря, а вопреки и которые стали нашими нравственными ориентирами. Мы искали ответы у них на все вопросы бытия, даже если они и не догадывались о той роли, на которую мы их назначили. Теперь я понимаю, что это было ненормально. В нормальные времена нормальные читатели просто читают произведения, не обязательно интересуясь биографией их создателей.

Поэты и писатели — такие же люди, со всеми человеческими достоинствами и слабостями. И всё же издавна повелось на Руси, что «поэт в России больше, чем поэт» (Евтушенко). В советское время такое восприятие усилилось во сто крат. Мы не могли быть просто читателями. Нам нужны были собеседники, учителя, пророки, мы слышали в их голосах отзвук эпохи и искали ответы не только в их текстах, но и между строк. Общественное поведение поэтов проходило через наши жизни. На то они и кумиры. Мы поклонялись им как хранителям достоинства, чести, знания и даже, если хотите, истины. Читая книги, мы ждали очищения и просветления. Именно поэтому так высоко мы подняли планку по отношению к писателям и поэтам.

Той власти давно уже нет, но вопросы добра и зла, личной ответственности, совести, предательства никуда не ушли. Новые поколения тоже ищут ответы, правда, не обязательно в литературе. У них свободный доступ к любой информации и угол зрения иной. Моя книга адресован им. Она о том, как искали ответы послевоенные советские поколения, жившие в тоталитарном государстве и ныне уходящие со сцены. Наш опыт по-своему уникален, но «проклятые вопросы», которыми задавались мы, — вечные. Мне хочется повторить вслед за великим англичанином: «От эпохи одинаковых, эпохи одиноких, от эпохи Старшего брата, от эпохи двоемыслия — привет» (*Джордж Орвелл, 1984.*)